

САЛЛИ
МАККЕНЗИ

Без ума
от виконта

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
М15

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Sally MacKenzie

THE NAKED VISCOUNT

Перевод с английского *Е. Пчелкиной*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства
Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккензи, Салли.

М15 Без ума от виконта: [роман] / Салли Маккензи;
[пер. с англ. Е. Пчелкиной]. — Москва : АСТ, 2015. —
352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-090390-0

Чудовишный скандал потряс родовую усадьбу.

Леди Джейн Паркер-Рот вступила в схватку с виконтом Эдмундом, которого приняла за грабителя!

В пылу сражения они разбили уникальную античную статую, чем вызвали к себе интерес неутомимых лондонских сплетниц, а главное, ухитрились влюбиться друг в друга до безумия.

Так начинается удивительная история, полная веселых и опасных приключений и, конечно же, пылкой, головокружительной страсти...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-090390-0

© Sally MacKenzie, 2010

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Глава 1

Эдмунд Смит, виконт Моттон, осторожно нажал на застекленную дверь. Она легко отворилась. Та-ак... Дворецкий либо поразительно беспечен, либо напился до потери разума.

Он распахнул дверь и вошел в кабинет, увы, покойного Кларенса Уидмора. Дамы из семьи Паркер-Рот в настоящее время пребывали в резиденции, и, пожалуй, стоило бы при случае кое-что довести до сведения самого Паркер-Рота. Стивену не помешало бы узнать, что его мать и сестра лишены по-настоящему надежной охраны. Ведь это Лондон в конце концов. Какой-нибудь преступный подонок запросто может проникнуть в дом.

Моттон взял с каминной полки свечу и поднес кончик фитиля к тлеющим в камине углям. Тотчас вспыхнул язычок пламени.

Само собой разумеется, поскольку вся семья собралась под одной крышей, не следует винить хозяина дома за то, что он желает уберечь от нежелательных вторжений свои покои. Он, Моттон, тоже предпочел бы воспользоваться таким преимуществом, ибо собственные тетушки доводили его до чрезвычайного раздражения. Как раз сегодня приехала Уинифред с попугаем и обезьянкой, так что теперь все пять те-

ток со стороны отца собрались со своими питомцами у него в доме. О, Зевс великий, в Бедламе сейчас спокойнее, нежели в его городском жилище. Самое худшее заключается в том, что женщины пытаются посягнуть на его личную свободу. Наиболее обеспокоил его приезд тети Уинифред. Она поистине лукавая воительница. Ему не видать спокойной жизни, пока она не уедет обратно в деревню.

Он внимательно осмотрел комнату. Черт побери, будь у него хоть один намек на то, где искать! Ничего себе задача — просмотреть все книги в поисках загадочного текста о французских шпионах, который лорд Ардли велел ему найти до завтрашнего дня. Вряд ли леди Паркер-Рот будут отсутствовать столь долго.

Он открыл первую попавшуюся под руку книгу и перелистал ее. Право, не будь он соседом Уидмора и не умирай от скуки, он бы вежливо — или не слишком вежливо — отклонил предложение Ардли. Этот человек, сказать по правде, не более чем напыщенный осел с идиотской привычкой взбрыкивать копытами. Однако Ардли, как говорится, загнал его в угол в клубе «Уайтс», когда Моттон пребывал в состоянии глубокой хандры.

Если бы он хоть мог уяснить роль этого человека и значение его для весьма обширного криминального мира Лондона, но, увы, на каждом шагу он наталкивался на непреодолимые препятствия. Каждый называл мерзавца одним и тем же словом — Сатана. Моттон начинал верить, что этот тип и есть материальное воплощение злого духа.

Он поставил книгу обратно на полку и взял другую. И в ней ровным счетом ничего, что имело бы отношение к его заданию. Облысевший, плотного сложения, с заметным брюшком Уидмор — французский шпион? За все годы, что он прожил по соседству с этим типом, Моттон не заметил ни малейших доказательств того, что Уидмор работает на французов. Уидмор был чудаковатым, этого нельзя отрицать, однако странности характера и предательство по отношению к собственной стране отнюдь не одно и то же.

Дьявол побери, если бы пришлось составлять список странных связей, то список этот начинался бы с имен Ардли и Уидмора. Ардли находился в имении лорда Уолфсона, когда Уидмор принял безвременную кончину, приземлившись голой задницей на гнездо гадюк.

Вопрос о том, чего ради Уидмору понадобилось резвиться вне дома в голом виде, отнюдь не относился к числу тех, в которых Моттону хотелось бы разбираться.

И зачем Ардли вообще было вступать в какие-либо отношения с Уидмором, если он подозревал того в предательстве? И более того, с чего он вдруг забеспокоился о предполагаемом существовании списка французских шпионов, — ведь Уидмор мертв, а война давно уже кончилась?

Он вернул книгу, которую перелистывал, на прежнее место. Надо бы в первую очередь заняться письменным столом. Тот, однако, на первый взгляд ничем не привлекал внимания: деревянная поверхность была чистой и совершенно пустой, но, может, что-то найдется в одном из ящиков... или обнаружатся, что еще лучше, потайные отделения.

А вот и нечто весьма занимательное. Большинство людей не стало бы украшать свое рабочее место предметом высотой в два фута, закутанным в голландское полотно. Белая ткань трепетала под порывами ветра, врывавшимися в распахнутое окно. Вряд ли этот похожий на привидение предмет имеет отношение к тому, что он ищет, но не следует пренебрегать ничем, даже малым камешком. Моттон сдернул с загадочного предмета покрывало.

Боже милостивый!

Моттон в изумлении уставился на статуэтку бога Пана... э-э, весьма возбужденного Пана.

Мисс Джейн Паркер-Рот вздохнула, захлопнув «Франкенштейна». Ей всегда было грустно расставаться с дочитанной книгой, которая ей нравилась, — это походило на прощание с добрым другом. Она сослалась на головную боль,

чтобы не отправляться на музыкальный вечер у Хаммершемов, а остаться дома и почитать. Мама скорее всего заподозрила, что болезнь притворная, но, слава Богу, не стала возражать дочери.

Джейн положила роман на столик у кровати. Одной из самых приятных сторон пребывания в городе была возможность пользоваться платными библиотеками, в которых книги выдают на дом. Живя в имении, можно было получать книги из обширной библиотеки соседнего монастыря, но романы там если и можно найти, то очень мало. У папы в книжном шкафу только сборники стихов, у мамы — сочинения об искусстве, у старших братьев, Джона и Стивена, есть книги по садоводству, но романы? Ни одного.

Можно предположить, что поэт и художница имеют достаточно свободные суждения о том, что можно читать их детям, но это был не тот случай. Люси, младшей сестре, уже исполнилось тринадцать, и она прямо-таки наизусть выучила «Обоснование прав женщин», но мама до сих пор не позволяет ей читать даже рассказы мисс Остин. Однако Люси — девочка находчивая и сумела тайком пронести в дом весьма впечатляющее количество романов.

Так хорошо, что Джейн мама стала полностью доверять, когда пришло время выезжать в свет, и теперь, когда Джейн исполнилось двадцать четыре года, она может читать все, что пожелает, особенно в Лондоне.

Что же ей почитать теперь? Джейн не хотела приниматься за новую книжку немедленно, однако ей нравилось заранее определяться с выбором. Предвкушение доставляло свое, особое удовольствие.

Хм-м. Она давно мечтала прочитать «Уэверли». Джейн была большой любительницей романов мистера Вальтера Скотта, однако до сих пор не прочитала самый первый из них. Джейн посмотрела на часы. Еще рано ложиться спать. Стоит, пожалуй, спуститься вниз и проверить, нет ли этой книги в собрании Уидмора. Если да, она еще успеет пробежать глазами первые страницы.

Джейн выбралась из постели. Мамы не будет дома еще несколько часов. Не то чтобы она особенно стремилась услышать, как она это называла, «адский кошачий концерт» близнецов Хаммершем, но ей доставляло радость предвкушение встречи с коллегами. Она, конечно же, уединится с ними в какой-нибудь комнатке поодаль от гостиной и всласть поболтает о положении дел в искусстве. До восхода солнца она явно не вернется.

Джейн надела шлепанцы. Халат, к сожалению, пришлось отдать в стирку — нынче утром во время завтрака она пролила на него шоколад. Не важно. Она ведь только на минутку, а слуги сегодня вечером собрались где-то у себя и празднуют день рождения экономки мистрис Брайндл.

Джейн вышла в прихожую. Как она и предполагала, там никого не было. Джейн направилась к лестнице.

Ах, если бы она в Лондоне все время могла проводить в библиотеках и музеях, но у мамы были совсем иные планы. Сезон есть сезон, а Джейн до сих пор не помолвлена. Не может ведь она каждый вечер ссылаться на головную боль.

Джейн вздохнула. Мама станет вывозить ее на множество балов и светских приемов в надежде на то, что ее старшая дочь пробудит неугасимую любовь в сердце какого-нибудь джентльмена.

Мама вечно строит воздушные замки, когда же она наконец посмотрит в глаза реальности? Ведь это же... ох, проклятие! Джейн ухватилась за перила и остановилась на верхней площадке лестницы. Может ли такое быть? Для полной уверенности она пересчитала по пальцам... Да, это начало ее восьмого сезона.

Ее не просто оставили на полке, ее засунули туда, как треснувший и наспех склеенный глиняный горшок.

И это просто замечательно. Джейн начала спускаться по ступенькам. Она успела познакомиться со всеми подходящими и с несколькими неподходящими джентльменами из общества и нашла их всех невероятно скучными.

Нет, не всех. Был еще виконт Моттон — шесть футов мускулатуры, облаченной в элегантный костюм. Глаза как синие сапфиры, темно-каштановые волосы и прелесть что за ямочка на левой щеке.

Нельзя сказать, что она была им замечена.

Джейн хмыкнула. Разумеется, он не обратил на нее внимания. А если и обратил, то думал о ней лишь как о младшей сестре Джона и Стивена Паркер-Рот. Он ни разу ни на одном балу и ни на одной ассамблее не пригласил ее потанцевать. За все эти годы они не обменялись друг с другом даже несколькими словами.

Кстати, он не был частым гостем на светских приемах и танцевальных вечерах. Появлялся — ненадолго — на нескольких в самом начале сезона, а потом исчезал. И Джейн полагала, что она не единственная особа женского пола, которая обратила внимание на такое его поведение.

Она посмотрела на гипсового херувима, достаточно скромного на вид, чтобы мистрис Брайндл не прикрыла его наготу полотняным покрывалом... Да, лорд Моттон не появлялся на каждом балу или светском завтраке. Он ведь мужчина и может по собственной воле выбирать свой жизненный путь. Может оставаться у себя в имении, как, например, Джон, или надолго уезжать в другую страну, за пределы Англии, как Стивен. Когда он наконец решит, что настало время жениться, он сможет избрать для себя любую из множества аристократических барышень, доступных обозрению в марте, месяце множества браков.

Фу! Жизнь мужчины намного лучше, чем жизнь женщины. Мужчина может заводить интрижки на стороне, а женщина должна сидеть дома, штопать носки и заботиться о детях. Это несправедливо.

Она дошла до лестницы и огляделась по сторонам. Слуг по-прежнему не было видно. Теперь оставалось только зайти в кабинет. Если повезет, окажется, что книги стоят на полках в относительном порядке, но если подумать о привычном для их дома положении вещей, то можно предположить,

что скорее всего она обнаружит там полный хаос. Ох, да ладно! Времени у нее много, она успеет обшарить все полки.

Джейн остановилась у кабинета, взялась за дверную ручку... и замерла на месте. Втянула носом воздух. Неужели это запах дыма? Слабый, но различимый, словно кто-то зажег свечу. Странно.

Да нет, смешно. Готические ужасы «Франкенштейна» просто немного возбудили ее воображение. Это же современный Лондон. Ничего страшного с ней никогда не происходило.

Джейн выбросила из головы глупые, нелепые страхи и отворила дверь.

Ее свечка погасла. Еще чего не хватало... Она сделала шаг-другой к камину, чтобы снова зажечь свечу, и вдруг ощутила дуновение ветра. Наружная дверь кабинета была распахнута.

Чья-то сильная рука обхватила ее за талию, а широкая голая ладонь легла ей на рот. После чего Джейн приподняли, и она оказалась тесно прижатой к мускулистой мужской груди.

Боже милосердный! Джейн замахнулась подсвечником, но удар пришелся по непристойной статуэтке бога Пана, которая стояла на письменном столе. Джейн не могла повернуться и ударить мужчину — он был слишком силен. Но он выше ее... На этот раз она взмахнула своим оружием и тут же опустила его вниз и назад, и оно наткнулось на что-то.

— Проклятие...

Мужчина убрал руку с ее губ и выхватил у Джейн подсвечник. Джейн глубоко вздохнула. Вот она, ее единственная возможность. Никто не услышит ее крик — все слуги далеко отсюда и, наверное, слишком пьяны, чтобы прийти к ней на помощь, но этот негодяй о том не ведает.

Она завопила что было сил.

— Черт побери, дамочка, у меня из-за вас лопнут барабанные перепонки!

— Я закричу еще громче, подонок, если ты не отпустишь меня сию же минуту!

Как ни странно, голос у мужчины был вполне интеллигентный и, кажется, даже немного знакомый.

— Кто бы мог подумать, что вы такая боевая особа, — заметил он, усмехнувшись.

Боевая, ха! Ей не довелось расти вместе со старшими братьями, но младший кое-чему ее научил. Если бы этот тип дал ей хоть самую малую возможность двигаться, он пожалел бы об этом! Она снова закричала и яростно забилась у него в руках.

— Можете вы успокоиться наконец?

— Ни за что, пока вы меня не отпустите!

Он повернул ее лицом к себе. Его левая рука обхватила спину Джейн, в правой он сжимал подсвечник, а его губы — о небо! — приблизились к ее губам.

Джейн задохнулась от волнения. Лунный свет дал ей возможность разглядеть, кто перед ней.

Ее удерживал и, хм-м, да, ее целовал виконт Моттон.

Пальцы Джейн разжались, и подсвечник грохнулся на пол. Но им обоим уже не было до этого дела. Свеча вывалилась из подсвечника. Только бы ничего не загорелось от ее пламени...

Виконт воспламенил Джейн. Она была окутана его запахом — запахом одеколona и кожи... и его собственным. Губы Моттона коснулись ее губ, но Джейн утратила всякое желание кричать. Нет, она была поглощена совсем другим. Все косточки у нее словно размягчились, казалось, что колени вот-вот подогнутся и она не устоит на ногах. Губы Моттона дрогнули, передвинулись к уголку ее рта, потом скользнули по щеке и припали к шее чуть ниже уха.

Ее до сих пор еще никто не целовал... то есть не целовал так, как сейчас. Это был совершенно иной опыт — совершенно удивительный. М-м-м...

Но что делает здесь виконт? Живет он в соседнем доме, ну да, случилось, что она в такое время выходила на прогулку, чтобы попасться ему на глаза. Неужели он ошибся домом? Заблудился?

Его губы скользнули по ее шее, руки обхватили бедра. Ох-х, он, пожалуй, совсем сильно заблудился.

Стоит ли ей беспокоиться? Нет, он явно не намерен обидеть ее, этого не может быть. Он знаком с ее братьями, и у него незапятнанная репутация.

Ох-х, теперь он принялся поглаживать ягодицы. Ночная рубашка у нее такая старая и дырявая, что кажется, будто его ладони касаются обнаженной кожи, а не ветхой материи.

Ей припомнился вечер, когда она танцевала с виконтом и его рука в перчатке лежала у нее на талии, а вот сейчас...

Они здесь наедине. Никто ничего не узнает, если она извлечет для себя из этой странной ситуации некоторую пользу.

Он снова приблизил губы к ее губам... и вроде бы коснулся их своим языком? Что будет, если она...

Ох-х...

Его язык проскользнул у нее между зубами. Как неприятно! Хм-м, то есть должно быть неприятно, однако на самом деле это не так. Первое потрясение миновало, и наступил миг наслаждения... Она ощутила и привкус бренди, и влажное тепло.

Это необычное ощущение возникло у Джейн не только во рту. Влажным сделался живот, особенно низ живота, и это привело Джейн в смущение... выходит, она еще не утратила способности смущаться... и дрожать от волнения и от нового для нее желания чего-то еще.

У нее три брата. Ее мать — художница, и в студии у нее достаточно изображений обнаженной натуры, но Джейн никогда не осмеливалась просить каких бы то ни было объяснений. Мама запрещала дочерям читать романы, но тем не менее хотела, чтобы они были осведомлены о некоторых весьма существенных явлениях обыденной жизни. Люси родилась, когда Джейн уже исполнилось одиннадцать лет, и Джейн задавала не так уж много вопросов. Сейчас она понимала, чего требует ее собственное тело и какая часть тела лорда Моттона может удовлетворить это требование.

Руки его снова ожили — одной он прошелся по окружности ее бедер, а вторая двинулась вверх к...

О святые небеса...

Все разумные мысли вылетели у Джейн из головы, когда его пальцы осторожно коснулись ее груди.

Моттон погрузился в поток ошеломительных ощущений: тело девушки, которую он держал в объятиях, было таким нежным и мягким, ее губы такими сладкими, когда он целовал их... а дивный аромат ее кожи, аромат чистоты и невинности, с которым смешался мускусный запах жаркого желания... а ее дыхание, частое и прерывистое!

Она была поначалу такой возмущенной, мало того, разъяренной, а теперь вдруг стала податливой, женственной и невероятно соблазнительной. Возбужденной. И он... он сам горел огнем страсти — его фаллос того и гляди прожжет дырку в штанах.

Одной рукой Моттон притянул девушку ближе, прижал ее к своему злосчастному напряженному члену, но это соприкосновение только усилило пламя желания. Другой рукой он приподнял одну из ее дивных грудей. Упругая, нежная, совершенная, эта грудь заполнила его ладонь так, словно была создана для этого. Он пробежался быстрыми легкими поцелуями по ее подбородку и потрогал большим пальцем кончик соска, затвердевшего от этого прикосновения. Желанная девушка прерывисто вздохнула в его объятиях.

Он усмехнулся и поцеловал ее за ушком, потом еще раз коснулся пальцем возбужденного соска. Джейн снова вздохнула.

Что касается Моттона, то он прямо-таки задыхался от нарастающей страсти. Ситуация становилась критической. К сожалению, канапе было слишком маленьким и узким для двоих. А письменный стол? Джейн весьма кстати освободила его от непристойной статуэтки. В данный момент Моттон готов был пойти на пари, что его собственное мужское достоинство куда больше, чем у Пана.

Джейн обеими руками погладила Моттона по спине и, задержав ладони на ягодицах, прижала его к себе.

Он оставил в покое ее подбородок и снова обратился к губам, но прежде чем добрался языком до ее языка, Джейн раздвинула его зубы своим языком. Ах... Кто бы мог подумать, что эта девушка так восхитительно отзывчива, так...

Так невинна. Так достойна бережного отношения. И к тому же родственница двух его друзей.

Он застыл на месте. Ведь он и в самом деле уже собирался уложить мисс Паркер-Рот на письменный стол, задрать до самой шеи ее ночную рубашку и...

Здравомыслие обрушилось ему на голову, как мигрень. Моттон выпрямился и резко отстранился от Джейн.

— Что... что вы делаете?

Эти слова Джейн прозвучали чуть громче шепота. Она произнесла их в полном смущении.

Выглядела она невероятно соблазнительно, однако Моттон в эти секунды думал уже мозгами, а не своим...

Время шло.

Он попробовал слегка отстранить ее от себя, но она не двинулась с места. Так и стояла, обхватив обеими руками его спину.

— Мисс Паркер-Рот..

— Джейн.

— Что?

— Джейн. Это мое имя.

Знал ли он до этого ее имя? Нет. Он никогда не обращал на нее особого внимания, что верно, то верно. Она для него оставалась одним из многочисленных приятных украшений светских бальных залов — вроде пальмы в фаянсовом бочончке или фикуса.

Он почти ничего не знал о ней.

— А как ваше имя?

Вопрос этот обрушился на него, словно ушат ледяной воды. Ведь знала же она, кого целует? И не только целует, но и...

Ему подумалось, что вовсе ни к чему изображать из себя безымянного незнакомца, эдакого анонима.

— Моттон.

Она помотала головой.

— Это мне известно. Я хочу знать ваше имя.

А, его имя. Никто, кроме тетушек, не обращался к нему по имени. Пожалуй, это чересчур интимно — сообщить ей имя, которое он получил в купели.

— Эдмунд.

Она еле внятно пробормотала имя, словно проверяя, как оно на вкус... Ее язычок, такой сладкий и такой робкий...

«Приведи в порядок свои мысли, Моттон!» Он решительно отстранился от Джейн, отступил от нее на расстояние вытянутой руки.

— Мисс Паркер-Рот, вам не следует забывать о том, что мы находимся в темной комнате, что с вами нет вашей дуэньки и что на вас из одежды всего лишь ночная рубашка.

Она усмехнулась, дерзкая девчонка!

— Да, я это понимаю.

— Меня просто в дрожь бросает, как только подумаю, о чем заговорит на все голоса светское общество, если узнает о... — Моттон запнулся, не зная, какое определение дать происходящему с ним и с ней. Скандал? Бедствие? Нелепое заблуждение? Все это, вместе взятое? — ...об этой ситуации?

И почему, собственно, мисс Паркер-Рот столь безмятежна? Любая хорошо воспитанная барышня непременно закатила бы истерику по поводу такого с ней обращения. Но нельзя сказать, что Джейн этому противилась. О нет. Она оказалась весьма активной и охотной участницей их неожиданной встречи.

Она подняла на него глаза. Какая милая у нее улыбка...

— Ох, не делайте, пожалуйста, такое чопорное лицо!

Чопорным, если можно так выразиться в данном случае, было вовсе не его лицо. Если бы он не заставил себя подумать о чем-то ином, кроме язычка мисс Паркер-Рот, ее

соблазнительных бедер и прелестной груди, то не нашел бы в себе сил зажечь свечу и высказать свои прямолинейные и отчасти даже резкие предостережения.

Проклятие! Его намерения обрели еще более ошеломляющий характер. Мисс Паркер-Рот повернулась спиной к камину. От пылающих углей шел достаточно яркий свет, чтобы во всем вызывающем блеске его взгляду предстали бедра Джейн, ее ножки, а также...

Он отвернулся и отошел к распахнутому окну. В этом чертовом кабинете вдруг стало адски жарко.

— Светское общество не скажет ни слова, — заговорила Джейн, — поскольку оно ровно ничего не узнает. Как вы уже отметили, свидетелей нет, а я не собираюсь болтать о том...

Она сделала паузу, и Моттон снова повернулся к ней лицом. Если бы свет от камина был еще ярче, Моттон заметил бы, что его собеседница сильно покраснела. Однако он опустил глаза.

— Повторяю, я не стану болтать о том, чем мы здесь занимались, — сказала она. — А вы?

— Разумеется, не стану. — Он должен немедленно прекратить тарашиться на ее гру... на ее бюст. Моттон переключил внимание на ее лицо. — Не идиот же я.

— Вот и хорошо, — коротко ответила Джейн и нахмурилась. У нее вдруг испортилось настроение. Она только что приобрела такой опыт интимного общения с женщиной, о котором мечтала годами, а этот тип хмурится, будто ему и смотреть на нее не хочется. Натянутый и строгий, как... как ее брат Джон, который донельзя гордится своей выдержкой.

Джона, слава Богу, нет в Лондоне в нынешнем сезоне. Он уехал в имение барона Тинуэйта. Это странно, поскольку барон вращается в компании господ с дурной репутацией, однако Джон перед отъездом что-то говорил о фигурной стрижке садовых деревьев. Растительный мир — истинная страсть Джона, его единственная страсть в отличие от Стивена.

А в чем заключается страсть лорда Моттона?